

Традиции национальных культур

Светлана Колодиева

Я слышу пение цветов,
оно так нежно-
мелодично...

Рассеивая гулкий космический холод, из темной обволакивающей субстанции выплывают сказочно-красивые цветы с пышными нежными лепестками и сильными упругими листьями. Как родные братья и сестры, прижались они друг к другу, не распаять их трепетного живого единства, не выронить ни цветка из яркого нарядного букета. Ни одного лишнего мазка не нанес художник, когда писал их на блестящей твердой поверхности лакового подноса, казалось бы предназначенного больше для бытовых целей, чем для пробуждения души человека. И конечно, когда я покупала его в магазине, мне и в голову не могло прийти, что это приобретение станет настоящим открытием, ключиком к двери, ведущей в мир иной. Как будто распахнулась она на мгновение, и я неожиданно увидела, как цветут в райских кущах диковинные цветы невиданных оттенков.

Почему я решила купить поднос из Жостово? Да очень просто — захотелось порадовать себя ярким, красивым предметом, сделанным с вдохновением и любовью, и заодно найти подходящее место для чайного сервиза, недавно подаренного родственниками. Потому поехала на небольшой рыночек в нашем городе и зашла в его уголок, где рядком стояли, совсем не мешая соседям, изделия народных промыслов — нарядная веселая хохлома, расписные федоскинские шкатулки, богородские деревянные игрушки, гжельские статуэтки. Глаза разбегались от красочного многообразия произведений народных умельцев. Но мне был нужен именно поднос из Жостово, тот, который найдет отклик в моем сердце. На многие подносы заглядывалась, искала свое сокровище, но ни птицы заморские, ни букеты полевые и садовые не трогали душу, — «не мое», понимала я. И только тогда сердце затрепетало, когда увидела эти небесные цветы, пространством многоголосым окруженные. До сих пор неведомые чувства теснятся в груди, когда рассматриваю СВОЙ поднос. Художник изобразил на нем действительно неземные цветы, чарующие, обладающие душой и сознанием. Редко какому мастеру удастся передать всю красоту и бездонность мира надвременного, а вот МОЕМУ художнику это удалось.

И так захотелось познакомиться с ним поближе, узнать, как ему удалось с помощью обыкновенных земных красок сотворить такую красоту, что однажды ранним утром отправилась я в подмосковную деревню Жостово, где на Жостовской фабрике декоративной росписи трудятся создатели дивных подносов. Жостово оказалось большим селением: встретили меня укутанные снегом уютные деревянные дома и доброжелательные разговорчивые люди, которые охотно показали дорогу к легендарной фабрике.

Знакомство началось с недавно появившегося на фабрике музея, где собраны подносы, начиная с давних времен зарождения жостовского промысла. Пышные розы, хрупкие нарциссы, роскошные пионы, птицы с ярким разноцветным оперением смотрели со стен музея, украшенных прекрасными творениями рук человеческих — овальными, многогранными, прямоугольными, круглыми, квадратными подносами. Мне все меньше хотелось называть этим прозаическим словом изящные декоративные панно, на которых запечат-

Художник П.А. Ковалкин

Художник П.А. Ковалкин

Художник и экскурсовод Раиса Ивановна Благова

лены невинные создания Господа нашего, те, кто никому не может причинить вреда: птицы беззаботные и цветы чудесные... И глядели на меня эти дети божьи светло и доверчиво, покачивали в такт моим шагам пушистыми головками и протягивали свои листья, будто хотели дотронуться до самого сердца. Жизнерадостные, заражающие оптимизмом, робкие и смущенные, страстно любящие жизнь и прячущие свою душу от посторонних взглядов, цветы говорили со мной. А между тем старейший жостовский художник, экскурсовод музея Раиса Ивановна Благова вела неторопливый рассказ о том, как родилось на свет жостовское чудо.

Когда-то давно бывший крепостной графа Шереметьева Вишняков увидел на ярмарке в Нижнем Тагиле веселые расписные подносы из

папье-маше и захотел научиться сам делать такие же. С радостью поддержал его затею родной брат. Так и появились в селе Осташкове, неподалеку от Жостово, мастерские. Хозяйка споро наладила выпуск подносов, табакерок, шкатулок, портсигаров, поддонов из папье-маше. Понравились простому люду вишняковские поделки с их незатейливыми росписями: вот разудалая тройка мчится, тут чай распивают за столом, а это — народное гуляние. В 1825 году, когда Вишняковы образовали в Жостово мануфактуру по выпуску металлических изделий, на смену картонным пришли настоящие крепкие металлические подносы. Не сразу расцвела их поверхность диковинными цветами, не сразу они собрались в букеты и рассыпались разноцветным дождем на глянцевом черном фоне. Сначала пестрели на подносах

Мастер Евгения Мешкова за работой ▶

все те же бытовые сценки. Но со временем поднос перестал быть простой и привычной домашней утварью, на которую, чтобы не намочить столешницу, ставили самовар, и превратился в нечто большее — в произведение искусства, пробуждающее в людях дар замечать красоту и любоваться ею бесконечно. И стали открываться в жостовских мастерах кладези необычайных сил, дающих им видения красоты горней.

Конечно, кто-то может сказать, что нет ничего неземного в цветах, написанных на жостовских подносах. Но усмешки скептиков не смущают жостовских мастеров, они вдохновенно творят свою красоту, несбыточную, сказочную, где нет места горю и разладу. Творят свои букеты и композиции «из головы», — «выдуманные» они все, как сказал старейший художник Жостово Андрей Павлович Гогин. Выдуманные и несбыточные... И недаром их пишут именно на черном фоне, символе беспредельности и космической пустоты, из которой сотворен мир. Бывает, конечно, что выбирают для фона и алый, и голубой, и зеленый, и бордовый, и белый цвета, но черный все-таки предпочтительнее. Свое пристрастие к

нему жостовские мастера объясняют чисто поэтически, вовсе не задумываясь о том, какой глубинной изначальной мощью веет от их созданий. «Во-первых, для него не надо специально подбирать цветовую гамму, во-вторых, так проще вписать цветы в фон, а в-третьих, он придает глубину изображению», — объясняет Михаил Бычков, молодой жостовский художник, с которым я познакомилась на фабрике. По признанию Михаила, для него расписывание подносов — отличный способ подзаработать, слава богу, мастерства хватает, выучка соответствующая имеется. Но не только привычным ремесленным выписыванием травок и цветочков на серийных подносах занимается молодой мастер. Бывает, найдет на него непонятная радость, и свет небесный прольется в душу, и тогда Михаил бросает все дела и самозабвенно пишет то, чего просит сердце.

Пишет он, как и все художники фабрики, масляными красками, чтобы объемнее и ярче получилось изображение. Садится за стол, на котором разложены палитра и заготовки будущих подносов, берет в руки мягкую беличью кисточку и творит сказку. Ловко и быстро наносит точ-

Член Союза художников России В.Н. Кораблев

ные удары, тщательно выписывает стебли, венчики, бутоны, листья будущих цветов. Сначала намечает, где будет размещаться изображение, в каком месте и сколько будет цветов. Потом подробно прорисовывает каждый цветочек и особенно тщательно — «главные» цветы. Наконец, завершая работу, наносит блики и последние штрихи, прописывает тончайшие веточки, травиночки, пестики и тычинки. Пишет, как писали многочисленные поколения жостовских мастеров задолго до того, как он, Михаил, появился на свет.

Как и в любом народном промысле, у жостовских мастеров есть свои традиции, и они не собираются их нарушать в угоду моде и современным вкусам. Как в стародавние времена, изображают в центре подноса крупный многолепестковый цветок, чаще всего розу, а по краям, как бисер на нитку, постепенно нанизывают другие цветы — сначала средние, потом чуть поменьше, а по краям самые маленькие цветочки пишут. Понятие центра очень важно в жостовском искусстве — он собирает все изображение в единое целое, как светило, вокруг которого вращаются планеты в необозримом вселенском пространстве. Чем больше поднос, тем больше центральный цветок и крупнее остальные. Роспись считается законченной только после того, как другой мастер, художник-орнаменталист, завершит работу. Орнамент, нанесенный на борт подноса, для жостовцев то же самое, что рама для картины, очень важно его подобрать правильно.

Самый распространенный мотив жостовской росписи — цветочный букет или венок. Пишут художники и роскошных петухов с огненно-красными хвостами, и необычайно красивых павлинов, степенно разгуливающих по земле. Но вряд ли можно встретить хотя бы одну жостовскую птицу в реальной жизни. Потому что, создавая свои подносы, художники обращаются не к земным прототипам, а к глубинам своей души и видят внутренним зрением существ, населяющих мир иной: переливающихся всеми цветами радуги беззаботных птах, порхающих в густых цветочных зарослях, и лишенных телесной оболочки людей, скользящих по воздуху «аки по суху», едва касаясь стопами воздушных струй... Всего лишь на мгновение разрешено мастеру заглянуть в сказочный райский мир, на краткий миг распахиваются перед ним двери в инобытие, но и этого бывает достаточно, чтобы, отрешившись от всех земных забот, сесть на невысокий

стул, положить на колени поднос и, медленно его вращая, начать творить на гладкой жостовской поверхности свою Вселенную.

Каждый жостовский художник по-своему уникален. Любое творение Господа уникально. Создавая мир, Бог позаботился о том, чтобы на свете не было ни одного похожего создания, — даже придорожные былинки, и те растут по-разному, что уж говорить о людях! Уникальны и все до одного подносы, которые выходят из-под кисти мастера. Это «штучная» работа. Создав поднос единожды, автор уже никогда не сможет с абсолютной точностью его повторить.

Отнюдь не сразу раскрываются драгоценные кладези жостовского мастерства. Много лет надо проработать на фабрике, прежде чем станешь творцом в истинном значении этого слова. Вновь пришедших пестуют, как детей малых, направляют на путь истинный. Обучение заключается в том, что художника сажают «под мастера»: дено и ночью находится ученик рядом с тем, кто уже немало лет проработал на фабрике, внимательно следит, как мастер расписывает поднос, и сам пробует повторить его движения. Такую школу старейшие фабричные художники считают самой надежной.

По старинке, под сурдинку течет жизнь на жостовском производстве. Это мне так кажется, но экскурсовод музея Раиса Ивановна Благоева говорит, что многое переменялось, и с ностальгией вспоминает старые времена, когда все работники фабрики занимались росписью в одном большом помещении. Бывало, идешь вдоль длинных столов, за которыми работают мастерицы (в основном жостовские подносы всегда женщины расписывали), и у каждой берешь что-то свое: к одной подойдешь, через плечо заглянешь, к другой — увидишь что-нибудь интересное, необычное и скорее к своему подносу, попробовать так же сделать.

Сейчас условия другие, все вместе не сидят, трое — пятеро художников в комнате. Михаила Бычкова, как и работающего с ним бок о бок Евгения Мешкова, смело можно назвать высоким словом Мастер, — следуя традиции, они постоянно ищут новые композиционные решения и привносят в искусство жостовской росписи свежую струю. Оказалось, что автор купленного мною подноса работает с Михаилом и Евгением в одной комнате, но сейчас оставил занятия росписью по причине творческого спада. Грусть поселилась в моей душе, когда я это услышала. Но потом подумалось, что не может человек, кото-

Художник И.А. Юрасова

Заслуженный художник РСФСР З.А. Кледова

рому было дано увидеть райские сады, оставить любимое дело, просто он набирается сил перед тем, как отправиться на новую встречу с миром чарующим. Жаль, конечно, что нам не удалось познакомиться. По счастью, других, не менее интересных людей встретила я на фабрике и в их глазах увидела тот огонек творчества и вдохновения, без которого невозможно не только сделать красивую роспись на подносе, но и выковать его вручную и лаком правильно покрыть. В Жостове это хорошо понимают и считают, что выковать хороший поднос может только тот коваль, кто вкладывает в свою работу душу, чтобы получилась такая вещь, которая не один день и не год, а столетия будет радовать взор людской.

Сейчас искусством коваля пользуются на фабрике только при изготовлении авторских подносов, в серийном же производстве форму делают при помощи штампа. Потом вытягивают, подгибают острые края заготовки, шлифуют, шпатлюют, грунтуют, покрывают несколькими слоями эмали и наносят нужный фон. Но для того, чтобы поднос блестел, как зеркало, нужно не только его тщательно выковать, но и покрыть после окончания росписи лаком. Использование в производстве лака значительно упростило процесс изготовления жостовских подносов. И работникам фабрики теперь не приходится, как раньше, вручную натирать их поверхность полировочной пастой. От бесконечной полировки боко-

Заслуженный художник России Т.Н. Шолохова

вая сторона ладони у полировщиц становилась гладкой-гладкой. Берегли ее они, как зеницу ока: тканью обматывали или варежку на нее надевали, боялись, как бы случайно кожицу не содрать, а потом шершавой поверхностью поднос не испортить! И сейчас стараются сделать поднос идеально гладким, чтобы не было ни единой зазубринки, и вся Вселенная отражалась в его отполированной поверхности. Поднос должен быть сделан с любовью от начала и до самого конца, только в этом случае он из обыкновенного бытового предмета превращается в произведение искусства, способное пробудить душу от сна.

Изысканны и изящны цветы Марины Домниковой, радостно-беззаботны букеты Ирины Юра-

совой и Евгении Мешковой, свежестью и чистой дышат их тонкие цветные лепестки. Нега и затаенная страстность — в розах Виктора Коралева, часами можно ласкать взглядом их мягкие пленительные очертания...

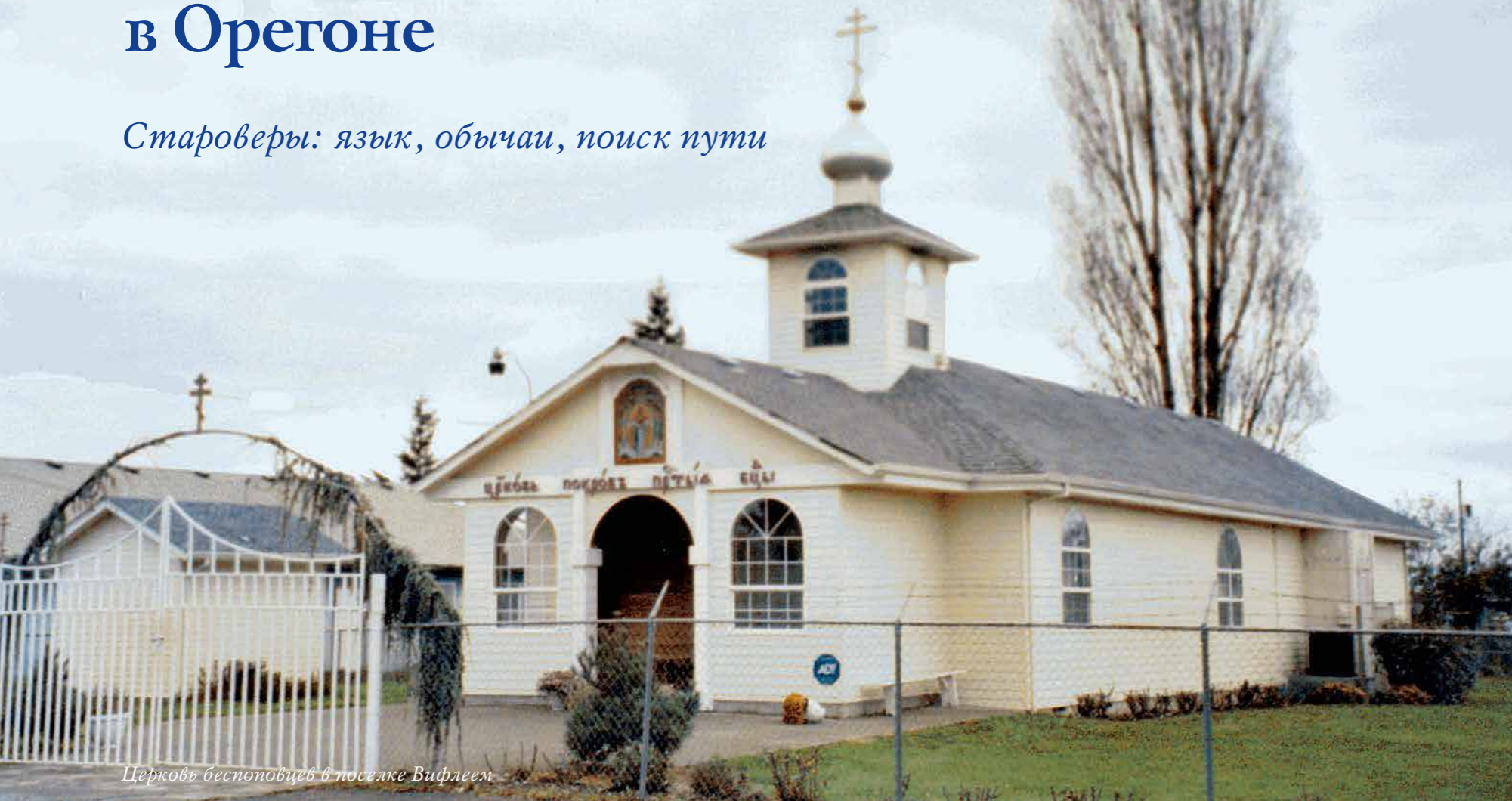
Прощалась я с деревней Жостово, как с домом, напомнившим о детстве. Дом, где ты отогрелся сердцем, уже никогда не будет чужим. Не хотелось покидать здание фабрики, за фасадом которого люди, перенявшие мастерство от дедов своих, вдохновенно и самозабвенно творили, прозревая дали необозримые, создавая вещи, которые будят сознание человека и рассказывают ему о райских кущах, где людские души свободно гуляют по небу и цветут говорящие цветы.

Р.Ф. Касаткина

Вечные странники в Орегоне

Староверы: язык, обычаи, поиск пути

Церковь беспоповцев в поселке Вифлеем

У них удивительные имена. Много старинных, редких: Авраамий (Абрам), Аксён, Антип, Акинфий, Афанасий, Варсонофий, Виссарион, Гермоген, Евстафий (Стахей), Епифан, Еремей, Ермил, Ерофей, Ива (Иов), Киприан, Кириак, Леонтий, Логин, Мамонт, Моисей, Олимпий, Парфён, Перфил (Порфирий), Поликарп, Савва, Савватий, Савин, Сазонт, Самойла, Селиверст, Терентий, Феопент, Фока, Фома, Хрисанф и Антонида, Ани-сья, Васса, Евлампия, Евфимия, Евфросинья, Зиновия, Киликея (искаженное Кикилия, т. е. Цецилия), Марфа, Матрёна (Мотя), Минадора, Прасковья (Пана), Пульхерия (с вариантом Полуферья), Степанида, Ульяна, Феодосия, Феофания (Фая)...

Русские старообрядцы поселились в США, на «диком западе», в штате Орегон почти столетия назад, в шестидесятых годах прошлого века. Живут

они в нескольких городках графства Марион и на фермах вокруг этих городков. Самый крупный из городов — Вудбурн (около 100 тысяч населения), тут кроме американцев и русских живет множество переселенцев из Мексики. Другие городки поменьше — Аврора, Джервес, Моллала, Монитор, Монт-Анджел, Сильвертон, Хаббард. Неподалеку от Вудбурна расположен старообрядческий поселок Вифлеем (*Bethlehem*).

В последний раз мы побывали там поздней осенью 2004 года. Видели много перелетных птиц: косяки диких канадских гусей и белых лебедей и великое множество других птиц. Гуси-лебедеи — как ожившая метафора к старообрядческим странствиям. Было пасмурно, туманно, но для нас непривычно тепло. Лишь два утра на траве был иней и заморозила вода в лужах. Орегон — один из красивейших

американских штатов — горы, поросшие лесом, реки, водопады, озера и тихоокеанское побережье. С юга он граничит с Калифорнией, с севера — со штатом Вашингтон, а тот уже с Канадой.

Это один из сельскохозяйственных штатов США. Американцы утверждают, что в Орегоне растет лучшая в Америке клубника. На гербе штата — ель, поскольку он еще и поставщик рождественских елок для всей страны. Едешь по дорогам Орегона и видишь, как в учебнике по экономической географии, какие фермы на чем специализируются: здесь — ежевика, здесь — цветная капуста, здесь — хмель, здесь — клубника, здесь — плантация елок (если деревца достигли нужного размера, то ближе к Рождеству видны надписи — *Trees for sale*). А вот и животноводческие фермы: овцы, лошади, пони; иногда привычный ряд нарушается неожиданностью: ламы! Длинноногие, неторопливые, с величественной осанкой. А вот и еще удивительнее — страусы. Но там, где растет ежевика, скорее всего найдешь русского хозяина-старообрядца. Преимущественно эту культуру облюбовали наши земляки в Орегоне, на ней они сделали свои состояния, часто немалые. Разводят разные сорта: есть черная ягода и красная, колючая и совсем без колючек, ранняя и поздняя, сладкая и кисловатая. Плантации ежевики, *ожинь*, как ее зовут старообрядцы, или просто *ягоды*, напоминают виноградники — такие же шпалеры подвязанных кустов тянутся на многие сотни метров. Для обработки плантаций в сезон нанимают рабочих — *мексиканов*, для которых выстроены специальные бараки, оснащенные по последнему слову техники: душ, туалет, отопление. Иногда даже телевизоры, — хотя в своих домах староверы старшего поколения телевизоров не держат, на то существует строгий запрет. Было время, когда всю ягоду собирали и обрабатывали вручную, теперь же многие работы, в том числе и сбор урожая, выполняют машины, специальные комбайны.

Несколько миграционных потоков выплеснули на эти заокеанские земли русских старообрядцев — синьзянцев, харбинцев и турчан (дунаков и кубанцев).

Синьзянцы — это беженцы из северо-восточного Китая, из Синьцзяна, куда их родители перешли из Казахского Алтая, в том числе и из легендарной Бухтармы¹. Харбинцы бежали с Китайского Дальнего Востока, а турчане — пе-

¹ В Орегоне и по сей день живут семьи Лысовых и Шарыповых, предки которых в конце XVIII века основали первые поселения в долине р. Бухтармы (см.: Гребенщиков Г. Алтайская Русь // Жизнь Алтая. 1 декабря 1912. № 286).

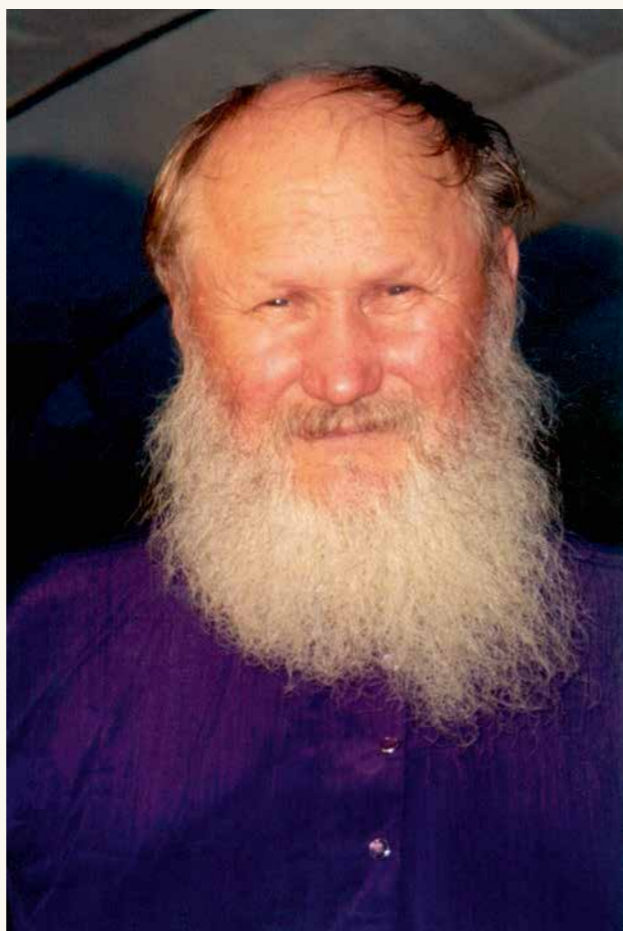
На свадебном обеде

реселенцы из Турции. Новые поселенцы брались за любое дело, лишь бы не жить на пособие: шли в лесорубы на фермы, на стройку. Женщины тоже батрачили, работали на фабриках, уборщицами у местных хозяев. Зато теперь большинство из них с гордостью говорят о себе: «Одного дня не был на *во лфере*». Трудолюбием, высокими нравственными принципами старообрядцы быстро завоевали уважение местного населения.

В 1996 году, когда мы впервые приехали в Вудбурн, местная старообрядческая община насчитывала около 6 тысяч человек (этой статистикой занимается католический монах Амбросий, живущий в монастыре в Монт-Анджеле). Но с тех пор демографическая ситуация изменилась. Семьи у старообрядцев большие, 10—12 детей не редкость. Новым членам общины необходимо жизненное пространство, а свободной земли в Орегоне почти не осталось, и она теперь очень дорогая. За последние пять-шесть лет более 100 семей переселилось в штат Миннесота, где земля гораздо дешевле. Кто-то уехал в Южную Америку (Аргентину, Бразилию, Боливию, Парагвай, Чили), кто-то в Канаду и на Аляску, а кто-то — в Россию, в Красноярский край²...

В конфессиональном отношении сообщество оregonских староверов неоднородно: существует несколько староверческих «толков», или «согласий», представители которых ведут между собой непрекращающиеся споры о том, чья вера правильнее. До сих пор актуальны обвинения в ереси. Ведутся бесконечные споры о «потомственной» воде, о том, следует ли во время крещения поворачивать в воде младенца, о том, в какие из постных дней позволительно употреблять в пищу рыбу, можно ли покупать продукты в магазине, и о многом другом. Преобладают в этом сообществе беспоповцы часовенного согласия, но даже внутри этого согласия есть различия между синьцзянцами и харбинцами, с одной стороны, и турчанами — с другой. Например, 10 декабря — Знамение, праздник для турчан, а синьцзянцы и харбинцы не признают его, утверждая, что это новгородский праздник (не является ли это еще одним свидетельством северо-западного происхождения турчан?). Для выходцев из Китая енисейские скиты — святые, а для турчан — нет. Турчанин Георгий Петрович Кям с осуждением говорит, что там культ иночества, а это уже близко к священству. Преобладают в оregonском сообществе беспоповцы, но есть и поповцы белокрыницкого (австрийского) согласия. Их церковь, некогда богато расписанная нынешним митрополитом Софронием, уроженцем ру-

Синьцзянец Мака́р Афанасьевич Зенюхин

мынского липованского села Камень, расположена в центре русской деревни Вифлеем.

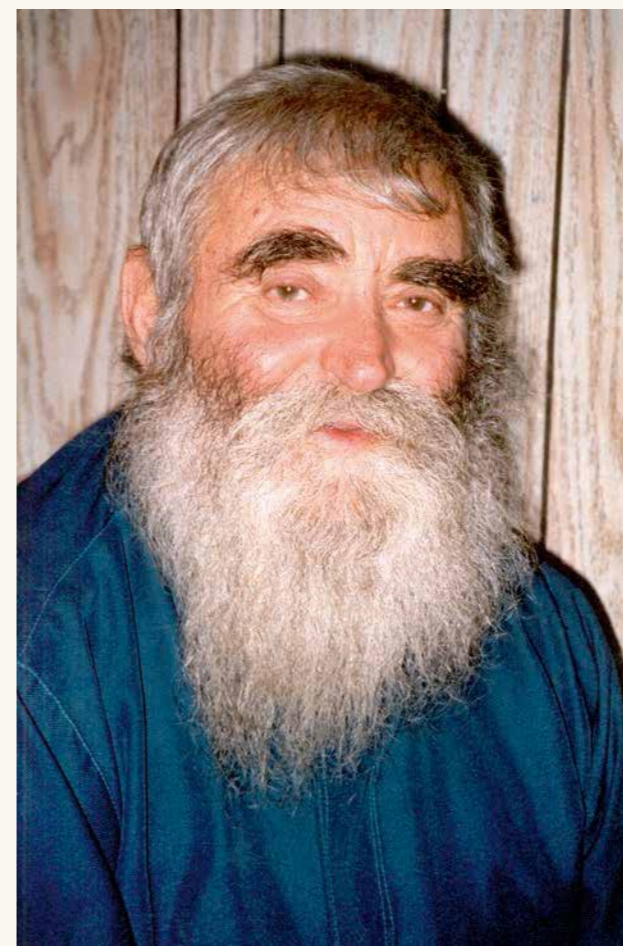
Вифлеем, или турчанский поселок — едва ли не единственная настоящая русская деревня в Северной Америке. Застроенная плотно, дом к дому, с небольшими палисадничками, она состоит из одной просторной, с домами на обе стороны улицы. Здесь две церкви — уже упомянутая белокрыницкая и беспоповская турчанская. Немного в стороне еще одна, новая церковь, тоже беспоповская турчанская, основанная Георгием Петровичем Кямом. О русском присутствии здесь говорят и названия некоторых улиц в округе, например, Frolov Road.

Существует устоявшееся мнение о том, что старообрядцы замкнуты и необщительны. После близкого знакомства со многими оregonскими русскими приходишь к совсем другому представлению о них. Они открыты для общения, охотно разговаривают с приезжими, многие из них остроумны и ценят хорошую шутку. Многие любят рассказывать и слушать свежие анекдоты, привезенные из России.

² Поселения и скиты сибирских старообрядцев на Подкаменной Тунгуске (в притоке Енисея) в последние годы (после перестройки) стали местом паломничества американских старообрядцев-беспоповцев. Они едут туда приобщиться к святости, нередко посылают туда подростков, но непутевых детей на перевоспитание. Старики уезжают туда насовсем, чтобы не вернуться.

Они принесли с собой свои замечательные старые диалекты: выходцы из Китая — сибирские, развившиеся из севернорусских говоров, а выходцы из Турции — очень древние южнорусские говоры, восходящие к юго-западному и северо-западному диалектным ареалам Европейской России. Диалектные различия иногда затрудняют понимание. Говорю Абраму Антиповичу Семерикову, что заболела. Он: «Возможно, это *повертуха*?» Мака́р Афанасьевич: «В той *забоке*³ *лесину*⁴ срубили»; «*Дожди рясные*⁵ были». Еще труднее понимать диалект турчан, например: «Раньше не *бросались*, а теперь *бросаются*⁶; «У мене *округ* дому всё *оборано*»⁷. Они говорят на сочном народном языке, пересыпая свою речь пословицами и поговорками вроде таких: «*Без денег везде худенек*»; «*С квасу на хлеб перебивались*».

Жизнь в Америке не могла не повлиять на их язык. Даже при почти полной сохранности родного диалекта в речи старших неизбежно вкрапление английских слов для тех реалий, с которыми они встретились только в Америке: «Я не видел *сайну*, тут должна быть *сайна*» (sign — дорожный знак). «Посидите в *ливинруме*» (living room — гостиная). «Они будут *кеч* (cash — наличные деньги) платить». «Одел *шорцы*» (shorts — шор-

Турчанин Феопент Трофимович Бору (Петухов)

Синьцзянка Прасковья Трофимовна Матвеева

ты). «У меня тогда *иниуренсу* (insurance — страховка) не было». «Пришлось ему нанять *лоера*» (lawer — юрист). «По вторникам тут у нас *окиен*» (auction — аукцион). «Ларивон купил новый *трок*» (truck — грузовик). «Надо *сынку* (sink — водопроводная раковина) почистить». «Она еще три *пойнта* (point — пункт) сделает, и она будет *намбер ван*» (number one — номер один). «У нас *супырвайзыр* (superwiser — руководитель), а у вас как называют?» «Они давали *медицина*» (medicine — лекарство). «*Фризеров* (freezer — морозильник) у нас в Турции не было».

«Английский язык, он *лесливый*⁸, так и тянет к себе», — говорит Евдокия Тарасовна Балбаева. «Ласковый» английский язык почти полностью покорило младшее поколение оregonских старообрядцев. Если старшие, те кому за 60, сохраняют свой родной язык, а среднее поколение (40—50 лет), как правило, двуязычно, то младшее говорит преимущественно на английском языке и зачастую не понимает русской речи.

³ Забока — небольшой лес на берегу реки.

⁴ Лесина — дерево.

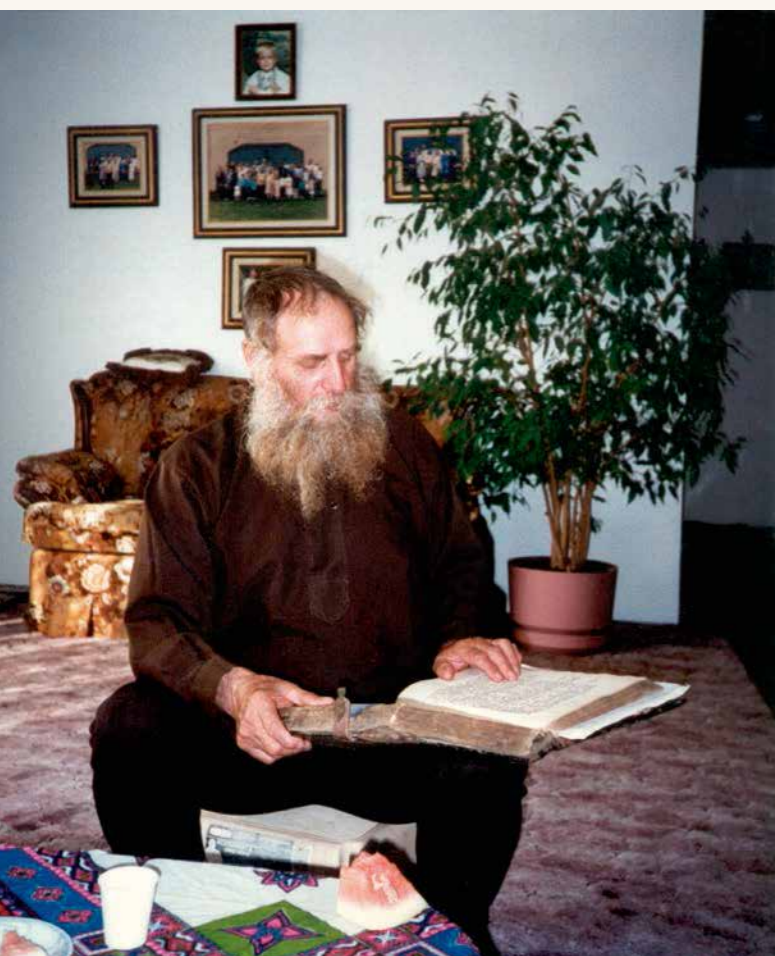
⁵ Рясный — обильный.

⁶ Бросаться — разводиться (о супругах).

⁷ От *орать* — пахать.

⁸ Лесливый — в диалекте турчан «притягательный, ласковый».

Харбинец А.А. Семериков за чтением Библии

Большинство из них — полиглоты поневоле. Кроме родного языка и английского турчане знают еще и турецкий, а выходцы из Китая — китайский и казахский. Те, кто свой путь по Западному полушарию начинали в странах Латинской Америки, говорят по-испански или по-португальски. За годы странствий по разным землям и жизни в иноязычном окружении они обогатили свои исконные диалекты многочисленными заимствованиями, в основном лексическими. В говоре турчан особенно много заимствований из румынского и турецкого языков: *канка* (чашка), *папуша* (кукуруза), *тава* (противень), *тиникей* (жестянка). Из Аргентины синьцзянцами вывезены слова *пат* и *патка* (исп. *pato*, *pata* — селезень и утка особой породы).

Об их скитаниях написано уже много, но многое еще остается неизвестным. Отец Тимофей, священник местной белокрыницкой церкви, говорит: «Ну что можно сказать о нас? Мы — вечные странники». У каждого из старших орегонских староверов в юные и молодые годы — своя Одиссея. Только в зрелом возрасте начали они оседлую жизнь в Орегоне. Вот что рассказывает о своих странствиях — бегстве из коммунистического Китая, из Синьцзяна через Тибет и Гималайские горы в Индию — синьцзянец Яков Самойлович Красков:

«Мы уходили просто вперед глазами. Потому что коммунизм!.. Нас двадцать один человек ушло, вот это и всё... Знаете, старикам путь был тяжёлый, а молодежь... Где-то зверишка убил, наелся мяса, тут же уже песни пошли. Была одна любимая песня: “Уж ты доля моя, доля, доля бедняка. Тяжела и безотраднa, тяжела, горька”. Пять тысяч пятьсот миль пешака. Ну, конечно, не везде пешака, но... Были и кони, и верблюды были, но на их мало ехали.

И пешком, и на лошадях, и на верблюдах. Но большинство — пешим ходом, лошадей вели рядом, а сами пешком... Мы там прошли больше месяца. По воде идёшь, а воды нет, нечем напиться: соль! Без воды были семь-восемь суток... Ну, мы дошли в Секем, а из Секема пошли в Бутан, а потом... Ну, я в Тибете одиннадцать месяцев был... Еверест вот это вот, вот здесь экспедиция последняя останавливается, а мы полкилометра ниже прошли под Еверестом... Как перешли границу с Тибету в Индию, так и все вместе были. И в Америку вместе приехали. А в Индии мы год прожили, близко Калькутты. Ну, на охоту ездили. Американцы приезжали, просили поохотничать с ними. Там, в Индии, львы, тигры, леопарды. И вот мы с имя (с американцами) ездили. Рыбачили ездили с имя. На пароходах на индийских. С американцами.

В пятьдесят втором году, двадцать девятого марта приехал я в Америку. Ну, я шалался там сколько-то время: Неворк, Ньюджерси, Пенсилвания... Потом в Орегон».

В то время, когда старообрядец Карп Осипович Лыков вводил свою семью от коллективизации в самые глухие места абаканской тайги («Таёжный тупик»), на Алтае тысячи и тысячи его земляков и единоверцев спасались от той же беды, переходя границу с Китаем. Синьцзяно-Уйгурский округ Китая издавна был прибежищем для русских разных сословий и вероисповедания. Во время гражданской войны туда бежали белогвардейцы генералов Дутова, Бакича, Новикова. В тридцатые годы XX столетия в Китай ушли тысячи русских крестьян, укрываясь от голода и сталинских репрессий.

Макар Афанасьевич Зенюхин рассказывает, что его родители перешли в Китайский Алтай из Казахского Алтая, где они жили недалеко от Зырянска в начале 30-х годов. Он родился уже в Китае, на границе с Советским Союзом, в 1938 году: «Который наш посёлок, посёлок Ком, дак под самыми белками. Утром встанешь, и снег видать. Это ближе к монгольской границе. Семнадцать километров от Кому до границы. Нас там, в Китае, называли “кержаки”. Все-таки Даль плохо про кержаков написал, последними словами назвал...»

Детство не было безмятежным: обстановка в Синьцзяне была беспокойная, постоянные стыч-

ки китайцев с дунганями, набеги казахов и уйгур. О дунганских войнах многие рассказывают с ужасом, хотя знают об этом только понаслышке, из рассказов старших. И к тому же, как пишет историк А.В. Попов, «...одну из особенностей жизни русских [в Синьцзяне] на протяжении 1920—1950-х гг. составляло постоянное советское влияние, что во многом определялось близостью достаточно прозрачной в это время границы. Часто это влияние выражалось в прямолинейной форме: в советских интервенциях по просьбе того или иного наместника провинции для подавления национальных мусульманских движений...»⁹

В конце 40-х годов к власти в Китае пришли коммунисты. Поначалу старообрядцы еще как-то пытались смириться с новыми порядками, вошли в коммуны, но вскоре поняли, что этот компромисс для них невозможен. Одни, как Яков Красков и двадцать его единомышленников, нелегально бежали в Индию в 1947—1948 гг., другие добились законного разрешения китайских властей на эмигра-

цию через Гонконг. Таких семей было большинство. Среди них — и семья Зенюхиных. Из рассказа Макара Афанасьевича:

«Когда из Китая уезжали, мы поехали из Бурчума, возле Тарбагатая проехали горами, заехали в Советский Союз — вроде как одним колесом заехали, потом назад в Китай, возле города Дорбужин, там пожили недели три, оттуда в город Сайран на озере Сайран. Потом двинулись в Кульджу (по-китайски, Инин), там река Или».

О Кульдже следует сказать особо. А.В. Попов пишет: «Центром русского рассеивания в Синьцзяне с 1920 и вплоть до начала 1960-х гг. становится город Кульджа, в котором сосредотачивается наибольшее число русских. В 1937—1938 гг. в Кульдже была построена каменная церковь, в которую из Суйдуна была перенесена икона Табынской Божией Матери... особо почитаемая русскими в Китае. Она была привезена в Синьцзян частями атамана Дутова... Тем самым Кульджа не только фактически, но и формально превращается в русскую

⁹ Попов А.В. Русская диаспора в Синьцзяне-Уйгурском автономном районе Китая / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX — XX вв. М., 2001.

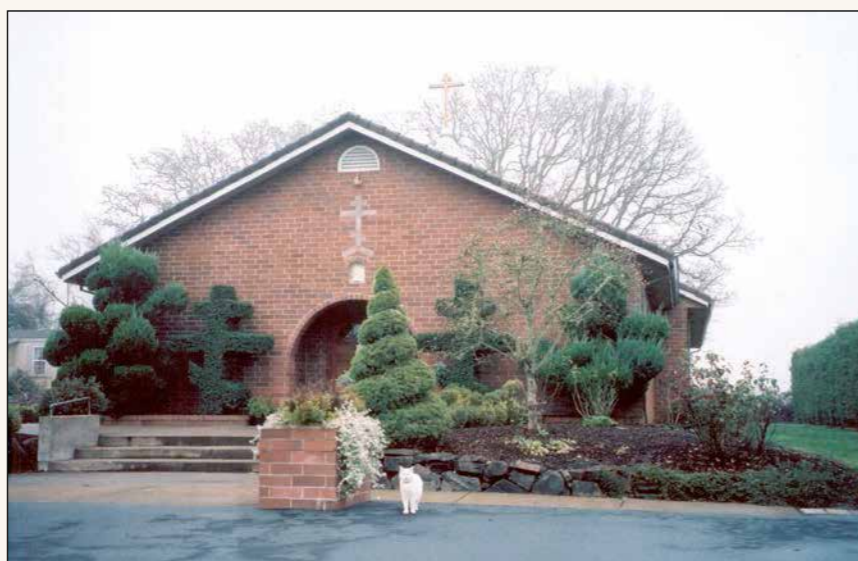

На именинах в Михайлов день

столицу Синьцзяна. Следует также отметить, что именно в Кульдже находились три главные русские школы... При этом во всех школах обучение шло по учебникам, присылаемым из СССР»¹⁰. По-видимому, в одной из этих школ учился и Макар Афанасьевич.

В тридцатые — пятидесятые годы прошлого века русское население в Кульдже составляло несколько тысяч человек. Это были в основном крестьяне. «Здесь были <...> русские гимназии, и гармошка собирала на спевки не только русских, но и уйгуров, и китайцев»¹¹. Сначала семья Зенюхиных жила в горах к югу от Кульджи. В 1953 году переехали оттуда и жили за рекой Каш, в поселке Арсалай. Потом жили в поселке Ластай, потом — Тюргень. Оттуда до Кульджи ехать 4 дня на подводе. Оттуда поехали в Урумчи через перевал Кинсай, через Ши-хо, через Манас, и ночью попали в Урумчи. Дальше — в Турфан, а там уже железная дорога. Это уже было в 1960 году. Оттуда ехали часов 20 до Хами, там пришлось делать пересадку. Доехали до Ланьчжоу. «Там страшный голод был, люди там просто падали с голоду. Стоит-стоит в очереди и — бряк! Таких подбирают, на тележках увозят, а куда уж их увозили, кто знает... Это в конце 60-го года было. Мы в Ланьчжоу две ночи ночевали на вокзале. Нас так отгородили скамейками, и мы ночевали. Один наш старик намочил сухарей в чашку — у него *толчёны* сухари были, сидит ест, а китаец *дотягался-дотягался* до чашки — и цоп! И бежать! И всё. Только и видали, как он в дверь выскочил. И скорей ест на бегу. Нам помог оттуда уехать один молодой китаец, он говорил по-русски хорошо, только вместо *р* выговаривал *л*. Он раньше в Ленинграде учился. Он нас посадил в поезд. За это мы ему мешочек сухарей насыпали. Он обрадовался — идёт хрумкает».

Церковь беспоповцев-часовенных

Дорога была мучительной — кроме голода была еще и невообразимая теснота. На каких-то отрезках пути в каждом вагоне было более ста человек... Да и потом, уже после переезда в Америку, поначалу были странствия по Южной Америке. Макар Афанасьевич Зенюхин попал в Аргентину, прожил там с семьей 11 лет.

У харбинцев были другие пути. Многие из них жили в деревнях возле КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога): в Романовке, Медянах и других русских деревнях. Жили в основном рыбо-

ловством и охотой: белковали, соболевали и даже тигровали (ловили тигрят, чтобы продать их в городские зоопарки). Получив разрешение на выезд, они добирались до Гонконга, жили в лагере для беженцев, откуда отправлялись по разным странам Америки. Некоторые поехали в Австралию и Новую Зеландию. Селиверст Федорович Валихов с семьей оказался в Бразилии, и только через 4 года ему с большим трудом удалось выбраться оттуда в Орегон. «Не *сболело сердцынько*, когда из Бразилии уезжали», — сказала одна старообрядка. Уже живя в Орегоне, Селиверст Федорович отправился в Боливию навестить жившего там брата. Он рассказывает: «Проехали мы на машине Калифорнию, потом Мексику, Гватемалу, Гондурас, потом переправились на пароме, а там проехали до Панамского канала. Когда приехали в Сальвадор, там такие горы высокие, такие *крутяки*, такие высоты, что воздуху не хватает... Переночевали мы *тама*. А дальше *сяли* в самолет, долетели до Багата, там *пересядка*, долетели до города Манаос, на Амазонке, оттуда уже в Боливию... Видали мы там, как *пиранья* кусается. Рыбачили раз мы с братом и другими, *кака-то* рыба попала в сетку, стали ее вы-

путывать, а она — цоп, и выкусила одному кусок ладошки. У *ей* зубы такие, как у белки. Она так красивая рыбка, мощная такая и быстрая. Так и узнали, какая это *пиранья*».

Судьба старших переселенцев из Турции, турчан, сложилась по-другому, но тоже трудно. Привычную жизнь в Турции им пришлось оставить, так как там начались погромы христиан. Вначале: «*армянёх, грекых* до младенца вырезали, ничего не оставляли, начисто... И мы же видели страх,

Молодые получают наставления от родителей

боялись же» (из рассказа Василия Порфирьевича Саничева, переселившегося с семьей из турецкого пос. Коджагёль в Россию в 1962 году). Перед ними встал выбор: ехать в Россию, на Ставрополье, где советские эмиссары обещали им прекрасные условия, или остаться. Большинство поверило посулам советского консульства и двинулось в Советский Союз, меньшинство осталось. Погромов давно уже не было, с соседями-турками отношения были хорошие¹², но возникла новая проблема: «не с кем стало побираться»¹³, так как браки с турками были запрещены, как и браки со своими до восьмой степени родства, а большая часть русского населения уже переселилась в Ставропольский край России. И тогда началась скитания, переезд в Стамбул (они до сих пор называют его Царьградом), безуспешная попытка уехать в Канаду, жизнь в палатках — в лагере для беженцев, помощь Толстовского фонда и личное вмешательство Александры Львовны Толстой, дочери писателя, хлопотавшей

перед президентом Джоном Кеннеди о переселении турчан в США, затем длительное пребывание в лагере для перемещенных лиц в Нью-Джерси, и уже потом — кто в Бразилию, кто в Аргентину, кто сразу в Орегон.

Часто староверы не знают точно своего дня рождения — день ангела для них гораздо важнее¹⁴. Поэтому празднуют именины, и то в том случае, когда день ангела приходится на воскресенье. Тогда устраивают домашний молебен, на котором мужчины и мальчики надевают специальную церковную одежду — длинные черные кафтаны, а женщины покрывают головы праздничными платками, повязанными двумя углами назад. Священное Писание читают по очереди: сам именинник, его отец и мать, тесть и теща. Мы были на таком домашнем празднике в одном доме в Михайлов день. Меню праздничного обеда — окрошка¹⁵ (в ней было много всякой всячины, в том числе и арбуз), щерба (уха), рис с гуляшом из рыбы и с рыбными фрика-

¹² Из рассказа Евдокии Тарасовны Бабаевой: «Мы благодарим Бога, мы от турки ничего худого не видали, нас турки не гоняли... Я от турка ни дного слова худого не слышала. Мне было так жалко, я так плакала, когда мы уезжали».

¹³ *Побираться* — от брать (жениться). Отсюда брак.

¹⁴ В качестве примера: услышав, что день рождения дочери Л.Л. Касаткина — 5 декабря, спрашивают: «Она Киликея?»

¹⁵ По нашим наблюдениям, всякая праздничная еда в любое время года у староверов Орегона начинается с окрошки.

¹⁰ Попов А.В. Русская диаспора...

¹¹ Снатенков В. Путешествие по Китаю / <http://reports.travel.ru/Reports/2002/031002/html>

На именинах в Михайлов день

дельками (пост!), постные пельмени и пирог с рыбой, разнообразные фрукты, сладкий пирог. Из спиртного — только домашняя ягодная брага, но очень крепкая. Беспоповцы используют только немногие продукты с базару (из магазина). В основном все свое или купленное у других староверов — мясо, молоко. Даже хлеб пекут только дома, а некоторые даже мыло варят дома. Лапшу традиционно делают дома. Готовясь к свадьбе или к большим праздникам, домашнюю лапшу приготавливают в больших количествах и развешивают на улице для просушки. Теперь делают и другие макаронные изделия с помощью специальных кухонных машинок, которые позволяют придавать изделиям разные формы: ушки, рожки, ракушки и т.п.

Ни на именинах, ни на свадьбах не услышишь пения — грех. Тем удивительнее, что их память сохранила множество старинных песен. В Вудборне даже образовался небольшой певческий кружок из шести женщин-старообрядок (синьзянок, турчанок и харбинок), исполняющих народные песни. Руководила ансамблем турчанка Евдокия Васильевна Постникова, урожденная Якиш. Они записали свое пение в радиостудии Вудборна и выпустили уже несколько кассет с песнями. Некоторые из песен нигде в России не сохранились. Российские музыковеды оценили эти записи очень высоко.

Среди песен есть такие лирические, как «Не лятай, голубь...», «Соловейка-пташечка, что ж ты не поёшь...» и редко исполняемая баллада на смерть царя Александра I в Таганроге: «Отправлялся Александра свою армию смотреть...» К сожалению, сейчас ансамбль распался: часть певиц переселилась в Миннесоту.

Это красивые, породистые люди. Они носят особую одежду: мужчины — вышитые рубахи, подпоясанные нарядными ткаными поясами. У женщин — сарафаны старинного покроя и более современные талечки¹⁶, перенятые у турчанок, на головах шашмуры¹⁷. По этой одежде женщин-старообрядок всегда можно узнать в разных местах, где они бывают или работают: в магазинах, в офисах, на почте. Инициативные, работающие, часто очень талантливые. Неотступно приходит мысль: вот такими могли бы быть русские крестьяне, если бы не... Красота их — выражение внутренней сути. А она в том, что можно определить коротко: умение плыть против течения. Ведь все они, люди старшего поколения, сделали в свое время нелегкий выбор: остаться на насиженном, как будто бы спокойном месте или бежать, бросив все, наудачу, спасая свою веру, свои обычаи и, как позднее выяснилось, свою свободу и жизнь. Сколько рассказов мы записали о том, что произошло со мно-

гими оставшимися: раскулачивание, лагеря, расстрелы...

Подобно тому как молящиеся в старообрядческих храмах разделены на две половины — правую, мужскую, и левую, женскую, так и повседневная жизнь разделена надвое. Мужская и женская одежда, работа, даже язык. Это особенно ярко проявляется у турчан. Женщины не участвуют в соборах. Именины женщин не справляют с такой пышностью, как это бывает у мужской части населения. Редко кто из пожилых женщин имеет американский паспорт — для его получения надо сдать экзамен на гражданство по-английски.

Может быть, это покажется странным, но *тот свет* — это для них не абстрактное понятие, но часть их ойкумены, вполне обжитое место. «Родители давно на том свете *сидят*»¹⁸, — сказал нам один турчанин. Одно из обычных пожеланий следующее: «Счастья тебе на этом свете, да и на том чтобы тоже было хорошо». Здесь, на Земле, люди только гости («В то время я гостила на Земле...»).

Мужчины-старообрядцы не признают никаких суеверий: «Это всё бабкины *запуки*»¹⁹. Ни гаданий на Святках, ни «плюнуть через левое пле-

чо», ни «посидеть на дорожку». Домашние животные делятся на «чистых» и «нечистых». Кошка и собака относятся к последней группе. Старообрядец никогда не станет во время путешествия останавливаться в доме, где есть собака. Место собаки и кошки — во дворе. Для кошки, впрочем, есть некоторая поблжка: она может входить в церковь и даже в алтарь. Но у Макара Афанасьевича маленький белый котенок обитает в бане. Его кормят, но в дом не пускают никогда. И совсем другое отношение к корове, овце, свинье. Телят и ягнят в первые дни после рождения нередко брали в дома. Но случалось и такое, о чем нам рассказал Макар Афанасьевич: в Китае, когда в конце 40-х годов новые власти начали насаждать сельскохозяйственные коммуны, его жена Таисия Потаповна спасла свою корову от обобществления, — загнала ее в избу и держала там, пока начальство не оставило их в покое.

На собраниях (соборах) обсуждают многие проблемы. Например, с каких лет можно отдавать девочек замуж. Совсем недавно еще было принято в 12—14 лет. Постановили собором: не отдавать замуж до 14. Неоднократно обсуждали вопрос о том,

¹⁸ *Сидеть* — в диалекте турчан «жить, обитать».

¹⁹ *Запука* — суеверие.

Харбинец, Абрам Антипович Семериков

¹⁶ *Талечка* — платье особого покроя, с длинным рукавом, отрезное под грудью, «татьянка».

¹⁷ *Шашмура* — головной убор, закрывающий волосы, который носят замужние женщины. В других местах это чепец, повойник или очипок.

Именинник Михаил Макарович Зенюхин с сестрой Анной и братом Александром

можно ли иметь в домах телевизоры. Старейшины во главе с Макаром Зенюхиным категорически против, но те, кто помоложе, 40—50-летние и более молодые, не считают с запретом собора — и в своих новых просторных домах смотрят телевизоры. Макар Афанасьевич рассказывает, как какой-то пожилой человек принес на собор книгу, в которой говорится об устройстве мироздания: автор книги утверждал, что два ангела утром поднимают солнышко над землей, а вечером его уносят. Макар сказал этому человеку: «Спрячь эту книгу и не позорься перед людьми! Не всё правда, что на бумаге напечатано!» Однако, как нам объяснил Абрам Антипович Семериков, многие женщины-староверки до сих пор придерживаются докоперниковских взглядов на соположение Земли и Солнца.

Они замечательные строители. Начинали все простыми рабочими-строителями, а теперь многие стали владельцами собственных строительных фирм. Один предприимчивый турчанин построил курортный комплекс на минеральных источниках. Бассейн, джакузи, сауна, минеральные ванны и первоклассная гостиница — все это построено на том месте, куда раньше приезжали неорганизованные любители («дикари») теплых минеральных вод. «Миллионщик», — говорят о нем староверы. Много староверческих строительных бригад работает не только в Орегоне, но и по всей Аме-

рике. В этом году, после нескольких ураганов во Флориде²⁰, некоторые староверы-строители отправились и туда.

При домах у старших старообрядцев непременно есть бани. С парной, с каменкой и вениками. Особенно ценятся сибирские веники (у местных «не тот дух»). Их привозят паломники, возвращаясь из поездок в енисейские скиты. Молодежь, живущая в прекрасных просторных современных домах, с душами, ванными, а теперь и с джакузи, приезжает к родителям попариться в бане. В первый свой приезд в Орегон в 1996 году мы еще застали в турчанском поселке дома с русскими печами. Теперь их уже нет. Но в последний приезд даже в самых уважаемых современных домах старообрядцев мы с удивлением обнаруживали настоящие русские *зыбки* (люльки) для *бэбичек* (младенцев).

Стародавние русские привычки не забыты и через полстолетие американской жизни. Летом заготавливают веники для бань, осенью собирают в лесах грузди, которых очень много. Их солят в больших количествах. Осенью же заготавливают на зиму капусту — квасят, но жалуются, что она какая-то нестойкая, от того, что *спреенная* (от *spray* — обрабатывать с помощью распылителя). Женщины мастерски пекут шаньги, крендели и пироги с разнообразными начинками. Все хозяйки приготавливают удивительно вкусный квас. Диву даешь-

ся, как эти люди, живя в чужой стране, сохранили все обряды и внешние черты старины, которые давно забыты в современной русской жизни.

Члены шарыповского согласия — самого строгого направления часовенных — не признают спичек. На Алтае они пользовались только «чистым» огнем, добытым с помощью кресала и трута. И в Америке, по словам Агафьи Никифоровны Лысовой, «у нас спичек не зажигают. В моленной у нас наждак стоит, тоже железяку подставляют такую и электро... пышет, пышет, он закрутится, этот наждак, загорится, искры, угли, и всё. Спички не пользуем». Дома сохраняют «чистый» огонь в русской печи, *в загнете*.

Русские старообрядцы живут не только в Орегоне, но и в других штатах США: Пенсильвании, Монтане, Миннесоте. Но самая тесная связь у них с Аляской. Там много родственников, и, кроме того, богатые орегонские староверы имеют там собственные катера: в сезон они отправляются на лов рыбы. Так же, по их рассказам, поступают и староверы Бразилии и Боливии. В каждом староверском доме Орегона в огромных морозильниках (*фризерах*) хранятся аляскинская рыба и икра.

Непривычный климат и условия жизни для них не помеха. Во всех странах и краях, куда судьба занесла староверов, они встали на ноги, поднялись, нажили неплохие состояния, хотя условия

жизни для многих сначала были непривычными, а порой невыносимыми. Из рассказа Анны Макаровой о жизни в Боливии: «Жара, духота такая, что дышать нечем. Дождь пройдет, а легче не становится: он просто горячий. Белье совсем не сохнет...» Селиверст Федорович Валихов добавляет: «Одна женщина рассказывала. Вот приехали они, устроились на ночлег. Ночью все утихло, все уснули, и вот *кто-то* ползёт. Пошарила рукой — кто-то большой, лохматый. Она так отбросила рукой, а маленько погода — по ногам. Разбудила других, фонариком *посветили*, а там такая норка, и из нее такие тарантулы вот эти косматые выползают. И ползут вот просто. Такие полосатые, а ноги у их косматые. И штуки три было, говорит».

Приехав в Америку со своим средневековым жизненным укладом, они встретились с достижениями технической революции. Многие приняли. Автомобили (*кары*), телефоны, стиральные и сушильные машины, магнитофоны, микроволновые печи (*мокровеи*), миксеры, электрические чайники, пылесосы и прочая бытовая техника есть в каждом староверском доме. Имеются и видеокамеры. Теперь появились даже швейные машинки с программами, выполняющие заказы по вышиванию, — а вышивки до сих пор остаются непременным украшением мужских рубашек. Старики называют такие машинки «снохами». Электродоилки есть у тех, кто держит коров. Запретными до сих пор остаются, кроме телевизоров, радиоприемники и компьютеры. Впрочем, младшее поколение не обращает внимания на запреты.

Поначалу старообрядцы в Америке не признавали фотографии, фотографироваться отказывались, но в наше время подавляющее большинство приняло это новшество. Во всех домах стены украшены художественными фотографиями всех членов семьи. Почти обязательно имеется огромный общий семейный фотопортрет.

«Тайная милостьня душу спасает», — говорили нам наши знакомые. Многие из них занимаются благотворительностью по мере своих возможностей, но никогда не делают этого явно. В турчанском поселке более состоятельные жители помогают своим бедным соседям: под праздник ставят коробки с гостинцами у порога. Макар Афанасьевич собирает посылки с «гуманитарной помощью», в основном с одеждой, и отправляет в Россию своим единоверцам — и знакомым, и незнакомым. В прошлом году он с помощью одной из своих дочерей отправил более 150 таких посылок.

Состоятельные староверы много путешествуют. Пожилые чаще всего ездят по миру, чтобы навестить родственников или единоверцев, а они рассеяны по всему свету и живут даже в Австралии, Новой Зеландии и Тасмании. Те, которые помоложе, теперь ездят и на курорты: в Калифорнию, Флори-

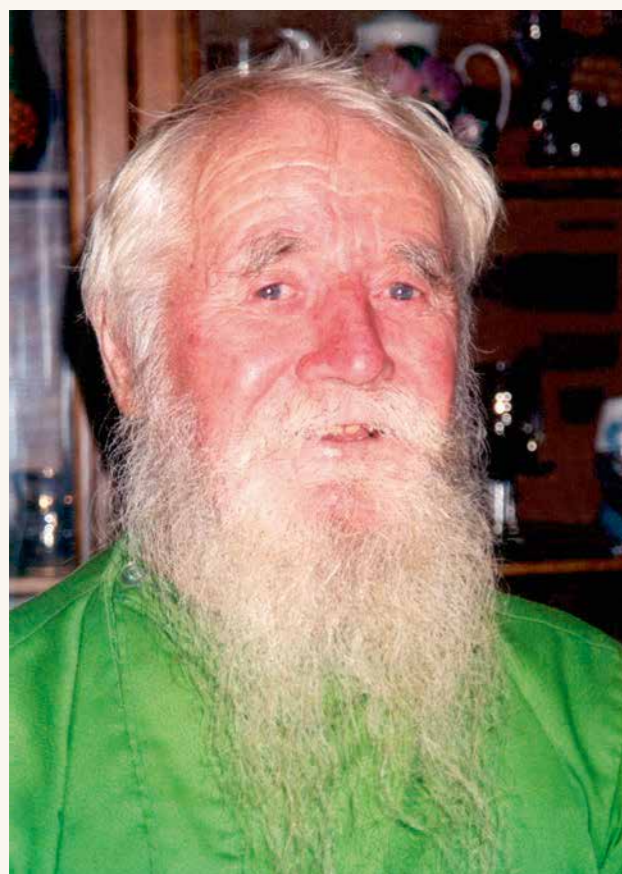

Производство церковных свечей

²⁰ «Там вихря прошли», — объяснили нам наши знакомые.

ду, Гавайи, Мексику. Видеокамеры есть у многих, и снято уже много фильмов о путешествиях. Макар Афанасьевич давал нам посмотреть фильмы о своих поездках в Аргентину и Чили (смотрели у его дочери Евфросиньи, так как в доме у Макара Афанасьевича телевизора нет). Замечательны его комментарии к фильмам: полные юмора и мягкой иронии по отношению к себе и своим спутницам (жене и невестке). Вот, например, реплика по поводу сценки с коровами: «Это наши туристки смотрят на местных жителей. И те, и другие довольны». Вообще у него тонкое чувство юмора. Например, на нашу просьбу дать уютно отвечает с хитровой усмешкой: «А мы тут в Америке уютно не пользуемся: наденем стиральное и катанся, катанся по полу».

Турчанин Георгий Петрович Кям (Дранов)

А ведь в первый наш приезд казалось, что никаких точек соприкосновения с ними нет. Только язык — да и то не совсем наш, другие диалекты. Но нет, всё-таки нашлось общее! И преодолеть незримый барьер помогло это их чувство юмора и самоиронии. И еще одно. Макар Афанасьевич спрашивает: «А вы в детстве в лапту играли?» А как же, отвечаем, и в беговую, и в круговую. А еще в жмурки, в прятки, в салочки. И они тоже! Даже считалки, как выяснилось, у нас были одни и те же: «Аты-баты, шли солдаты...», «Шла кукушка мимо

Церковь белокриницкого согласия в пос. Вифлеем

сети...», «На златом крыльце сидели...» Значит, корни те же самые, хоть и жили мы в детстве в разных концах страны и разными путями шли потом по жизни.

Мчимся в машине Макара Афанасьевича по фривею. Америка готовится к Рождеству: дома украшены светящимися гирляндами, сверкают огоньками наряженные ели, Санта-Клаусы, целые хороводы светящихся оленей, зайцев. Скоро-скоро Рождество, а там и Новый, 2005 год. Но в нашей машине неторопливо течет год *семь тысяч пятьсот двенадцатый* от сотворения мира, и новый год наступит не через три недели, а только 1 сентября по юлианскому календарю. Из автомобильного проигрывателя звучит текст старинной «Повести о Петре и Февронии Муромских». Кассета с записью куплена Макаром Афанасьевичем прошлым летом в Москве на «Горбушке». Казалось бы, давно забытое сказание XV века, живущее только на страницах учебников да хрестоматий по древнерусской литературе. Оказалось, что востребовано, да еще как! Слушают, и не в первый раз, со слезами на глазах. Имеет большой успех также и «Сказка про Федота стрельца, удалого молодца» Леонида Филатова. Слышали мы эту запись в доме Абрама Антиповича Семерикова.

У старообрядцев разных толков издавна существовала вера в Беловодье — землю обетованную, земной рай. По мере освоения новых земель воображаемая география земного рая менялась. Долгое время, начиная с 70-х годов XVIII века, это была долина реки Бухтармы: «Обилие голубых и говорливых рек, высоких и причудливых гор, покрытых коврами из всевозможных цветов, всё это делало (этот край) земным раем... Как было первым славянам, попавшим на Белые воды, не вообразить себя спасителями истинной веры, нашедшими ут-

раченное благочестие?.. С неколебимым убеждением они верили, что святое Беловодье и есть тот потерянный и возвращенный рай, к которому издавна гонимые русские люди шли через пытки и кровь, через испытания и преступления»²¹. Затем уже и сами бухтарминцы уходили в поисках Беловодья в Китай, к озеру Лобнор. До сих пор бытует это поверье и среди орегонских старообрядцев. У каждого свое Беловодье. У многих синьцзянцев-беспоповцев — это озеро Аксу (в переводе с казахского «белая вода») в Китае. У синьцзянца Семёна Сазонтовича Фелелова, недавно перешедшего в белокриницкую церковь из беспоповства, Беловодье — это Белая Криница. Связь мистического Беловодья с Белой Криницей в сознании алтайских старообрядцев-поповцев возникла еще в середине XIX века²². Оказалось, что эта идея жива до сих пор в Орегоне.

У Якова Самойловича Краскова, прошедшего через Тибет и Гималаи, отношение к Беловодью скептическое: «Это всё староверы на Беловодье уходили. Вроде бы на *пароходах* уплывали. У нас бабушки говорили, дедушки. Всё оне в Беловодье какое-то собирались, на Лобнор. *Оне* верили. *Оне* верили, все верили! Только будто бы там, говорят, *пароходы* проходили, и вот такой-то был капитан, и слышали, говорят, что и петухи поют, и люди разговаривают, всё, а увидеть не могли. Не могли отыскать. Вот такие сказки были... До сих пор ещё ищут, потому что его нету! Потому что его нету! Я был там, ведь там же дикая пустыня! И просто это такие среди пустыни озера, два озера — Лобнор и Коканор. Между *имя* топкое болото... Ну а я же был там! Ну и не нашёл я никаких староверов там! *Окром*е монгольцев». Но скептицизм Краскова не разделяется другими старообрядцами Орегона: «...Начали меня уверять. Человек умный, *резонный*²³, он *щас* покойный, Аксён Чернышёв, и он начал мне эту историю рассказывать. У нас, говорит, очень много людей туда ушло. Уехали на каких-то пароходах. А я говорю: а какие пароходы, как они прошли? По пескам? Потому что пятьсот-шестьсот километров — голая степь!» В качестве доказательства Яков Самойлович приводил следующее: «Потом я имею такое: из *магазину* (журнала) — когда мы приехали в Неворк, нас сфотографировали, и там приблизительно дорога нарисована, где мы проходили. И я взял карту и говорю Аксёну: «Вот карта. Видишь, где я проходил? Вот он Лобнор, вот Коканор. Дак вот этот самый Лобнор, я и говорю, в Китае он. И кругом дикая пустыня».

А может быть, они обрели свое Беловодье здесь, в Орегоне? Ведь тут они могут соблюдать свои древние обычаи, сохранять свою веру, не встречая никакого сопротивления властей. Никто их не преследует, местные жители к ним доброжелательны. Они давно уже не гонимы, не являются «нежелательными иностранцами». Почти полвека живут они здесь в обстановке максимального благопритствования. Да и материальное благополучие, достигнутое ими здесь, не последнее дело. Да, похоже на то, что сбывшейся мечтой, земным раем оказалась для них эта орегонская земля, ставшая родной для их многочисленных детей, внуков и правнуков.

Но события последних десятилетий, когда беспоповцы из Орегона, Аляски и Канады в поисках

Синьцзянка Таисия Потаповна Зенюхина

истинного благочестия проторили дорогу в Красноярский край, в скиты на притоках Енисея, посылают туда своих детей-подростков на послушание, а иногда и на перевоспитание, заставляют задуматься: не нашли ли они там свое новое духовное Беловодье?

²¹ Гребеницкий Г.Д. Алтайская Русь.

²² См.: Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 38.

²³ *Резонный* — умный, рассудительный.